

языка, религии, традиций и особенно самосознания, исследователь настаивает на полной приложимости использованной им социологической концепции к историческому прошлому греческого народа (р. 10—14). В заключение Константелос заявляет о том, что лингвистический анализ термина *νεωτερικοί* демонстрирует непрерывный континуитет «греческого духа» (р. 14—15). При этом, правда, внутренняя логика исследования исчерпывается: тезис, выдвинутый для оправдания априорного отождествления значений указанного термина в античной и византийской литературе уже в ходе исследования, весьма неожиданно становится его завершением.

Также не избежал чрезмерной увлеченности одной из концепций современной социопсихологии в обобщающем очерке истории греческого народа Д. Закитинос. Акцентируя внимание на основных этапах формирования греческой народности, историк стремится установить ее отличительные черты. Само по себе подобное желание не является предосудительным, если оно служит объективному объяснению сложного исторического процесса. Но Закитинос руководствуется «рецептом» французского академика А. Зигфрида и по аналогии с его высказываниям формулирует тезис о том, что «в психологии греков существует постоянная субструктура, которая всегда может быть прослежена». В качестве же этой пресловутой субструктуры, по мнению ученого, выступает всеобъемлющий эллинизм (р. 325).

О некоторых аспектах подхода к исследованию арабо-византийских отношений X—XI вв. в современной зарубежной историографии

В основу настоящего обзора положены три исследования: одно из них принадлежит перу австрийского византиста В. Феликса («Византизм и исламский мир в начале XI в.»)¹, другое — арабскому ученому А. Шбулу («Ал-Масуди и его мир. Мусульманский гуманист и его немусульманские интересы»)², третье — западногерманскому византисту Э. Траппу («Существовал ли византийский перевод Корана?»)³. При всем различии конкретных исследовательских задач, решаемых авторами, эти работы в своей совокупности дают довольно наглядное представление о современном состоянии и уровне изучения арабо-византийских отношений в X—XI вв., об исследовательских методах, постановке вопроса, достигнутых результатах и т. п.

Как известно, начало разработки проблематики, связанной с этой темой, относится ко второй половине XIX в. и свя-

Итак, неоправданное применение социопсихологических схем лишает исследование перспективы, поскольку ограничивает его в заранее известных пределах. Схематизирование уводит исследователей от конкретно-исторических изысканий в область софистических построений. И это не случайно. Психологизация исторических процессов и явлений, суть которой состоит в идеалистическом понимании общества, заставляет исследователя подменять факторы, реально детерминирующие общественные явления, их психологическими следствиями. В рассмотренных выше исследованиях Константелоса и Закитиноса картина реальных общественных отношений, сформированных в результате накопления и усвоения человеческого опыта, заменяется признанием квази-континуитета и мифическими субструктурами — носителями неизменных коллективных представлений, адсорбирующими самосознание народности.

К счастью, в сборнике статей, посвященном П. Харанису, увлечение «социопсихологическими экспериментами» осталось редкостным исключением и не служит преградой для общего благоприятного впечатления, оставляемого работами более полутора десятка исследователей. Научная значимость их трудов, безусловно, стяжает добрую репутацию сборнику, носящему имя известного византиста.

Ю. Я. Вин

¹ Felix W. Byzanz und die islamische Welt. Wien, 1981 (Byzantina Vindobonensia, XIV).

² Shboul A. Al Mas'udi and his World. L., 1979.

³ Trapp E. Gab es eine byzantinische Koranübersetzung? — *Δικτυχ*, 1980—1981, 2, с. 7—17.

зано с именами видных историков — как русских арабистов и византистов (В. Р. Розена, А. А. Васильева, И. Ю. Крачковского, В. В. Баргольда), так и зарубежных (М. Амари, Л. Шейхо, Э. Ниса, М. Штейншейдера). Главным итогом исследований XIX—начала XX в. было введение в научный оборот ряда публикаций арабских текстов (в том числе частей арабо-византийской хроники Яхьи Антиохийского — Крачковский — Васильев)⁴, систематизация известий арабских авторов о Византии (Васильев — Розен)⁵, написание обзоров по христианской арабской литературе, представители которой испытали довольно сильное влияние византийской культуры (Граф, Брокельман)⁶.

Поиск фактов и стремление показать, «как это в действительности было»

⁴ Jahja b. Sa'id / Ed. I. Kratschkovskij et A. A. Vasiliev. — PO, 1924, 18, p. 699—833; 1932, 23, p. 347—520.

⁵ См. теперь: Vasiliev A. A. Byzance et les arabes. Bruxelles, 1935—1968; Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883.

⁶ Graf G. Geschichte der christlichen arabischen Literatur. Vatikanstadt., 1944, 1947, 1949, 1951; Brockelmann C. Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1909.